Успех

Автор:

Игорь Фомин

Успех

Игорь Фомин

Социальный роман о российском предпринимательстве.

Герой книги – управленец Олег Самойлов.

Игорь Фомин

Успех

Глава 1. Любовь в эпоху «перестройки»

Олег Самойлов родился в захолустной Пензе, в 1965 году, когда вся страна вслед за Магомаевым распевала «Лучший город земли». Разумеется, к Пензе это имело весьма опосредованное отношение. Муслим воспевал столицу СССР – Москву, которая к тому времени освободилась от цепких объятий Хрущева, и, вступила в пятилетку, которую нарекут со временем «золотой».

У руля большой советской страны, измученной проделками «Никитки-кукурузника», встал Леонид Брежнев – «отец развитого социализма». Ему-то и предстояло вернуть доверие народа к партии, утерянное в километровых очередях за хлебом. Занимаешь такую очередь в 5 утра, чтобы апосля получить

«в одни руки» булку сероватого цвета, с примесью гороха, столярного клея и прочей дряни...

После хрущевской голодухи, народ мало-помалу начал ощущать все прелести социалистического курса. Страна перешла на пятидневную рабочую неделю. В магазинах появился хлеб какой душе угодно: чёрный, белый, всякие там плюшки, плетенки. Да что хлеб! Рядовые советские граждане стали приобретать то, что еще вчера казалось несбыточной буржуазной мечтой: телевизоры, холодильники, «стиралки», магнитолы...и даже автомобили.

Вещизм в ту пору стал «основополагающей» идеологией, проникая словно ржавчина, во все слои населения. Нарождающаяся мещанская психология плохо воспринимала ленинские поучения. В советских людях зрел «буржуа». Вместо «человека романтического» появился «человек практичный». Благородные идеи народно-демократической интеллигенции вытеснялись житейскими амбициями.

Вот и родители Олега в брежневскую эпоху из молодых и наивных Дон Кихотов-романтиков превратились в степенных обывателей. Началось всё с покупки холодильника «Бирюса»...и понеслось! В золотые 70-ые семья Самойловых переехала в поволжский городок, где через несколько лет получила от государства новую квартиру. Каждый год их уютная «двушка» на улице Ленина, пополнялась какой-нибудь новинкой, словно музей развитого социализма. Благо, отец Олега работал дальнобойщиком, ездил по Союзу и зарабатывал больше главного инженера или профессора. Особой гордостью родителей была стенка из ГДР и большая 4-ярусная хрустальная люстра в зале, на которую старались не дышать.

К началу 80-х их квартиру можно было показывать в фильме «Москва слезам не верит» в качестве образцовой декорации к бурному роману слесаря Гоши и директора химкомбината Катерины.

Несмотря на довольно сытое детство и юность, Олег не рос лоботрясом на шее у маменьки и папеньки. Хоть он и был единственным ребенком в семье, его держали в патриархальной строгости. Мать, Людмила Петровна, будучи педагогом, являлась приверженцем системы воспитания по Макаренко. Она всегда держала под рукой «Книгу для родителей», периодически пролистывая излюбленные места, отмеченные карандашиком. Людмила Петровна особенно любила приводить в пример «мальчику Володю», который словно домашний шут, по заказу родителей развлекал гостей, превращаясь меж тем в самодовольного

и циничного лицемера. Порой, вечерами, она цитировала мужу отдельные строки из трактата Макаренко:

– В мелком и глупом тщеславии родители не способны присмотреться к физиономии сына и прочитать на ней первые буквы будущих своих семейных неприятностей. У Володи очень сложное выражение глаз. Он старается сделать их невинными, детскими глазами – это по специальному заказу, для родителей, но в этих же глазах поблескивают искорки наглости и привычной фальши – это для себя. Какой из него может выйти гражданин?

После этого обычно возникала длинная пауза, когда глава семьи, Михаил Андреевич, многозначительно смотрел на супругу и вставлял свою коронную фразочку:

– Сделаю из сына человека! Гадом буду.

Родители, каждый на свой лад, занимались воспитанием Олега. Отец хотел воспитать в нём «нормального мужика». Он будил сына в шесть утра стандартным кличем:

– Подъём!

Олег вскакивал с постели, быстро натягивал спортивный костюм и уже через пять минут вместе с отцом бежал к школьному стадиону, чтобы там продолжить кросс. Далее шли зарядка, турник, брусья...Итак, каждый день, кроме воскресенья. Если же на улице стоял крепкий мороз, или шёл ливень, они выполняли свою «утреннюю программу» в зале, разминаясь бегом на месте. Также отец следил, чтоб сын после физзарядки принимал холодный душ, а потом в течение дня занимался с гантелями и резиновым эспандером. Когда Михаил Андреевич уезжал в рейс, он брал с сына «слово мужика», что тот ни разу не пропустит тренировку, даже если мать разрешит в какой-нибудь из дней передохнуть. Когда Олег пошёл в третий класс, отец отдал его в секцию самбо.

Людмила Петровна снисходительно смотрела на мужнины потуги, считая их «весьма однокими». По её мнению, супруг зациклился на физическом развитии сына, напрочь упуская из виду главное.

– А как же интеллектуальное развитие, формирование эстетического вкуса? Где всё это? – вопрошала она у своей подруги, тоже школьной учительницы. – Предел его мечтаний – отдать сына в суворовское училище. Чтобы он потом всю жизнь мотался по гарнизонам? Засунут в какую-нибудь Тьмутаракань, к северным оленям...Э, нет, дорогуша. Я не позволю сделать из сына заурядного солдафона.

Людмила Петровна мечтала, чтобы сын сделал карьеру учёного или конструктора. Будучи по специальности математиком, она с малых лет прививала Олегу любовь к этой сложной, но очень важной науке. Под её чутким руководством, сын раньше других детей научился счёту. В пять лет освоил таблицу умножения.

Мать старалась развивать не только математические способности, но и логику, внимание, память. Каждый вечер они решали какие-нибудь головоломки. Раскладывали на ковре, под абажуром свои задачки и начинался мозговой штурм. Отец тоже включался в эти игры, искренне восхищаясь умом жены, и признавая тайком её интеллектуальное превосходство.

– У моей бабы не голова, а Дом Советов! – хвастался он перед мужиками за кружкой пива.

Олегу особенно запомнился тот вечер, когда они всё семьёй решали загадку про туристов. На картинке были изображены три мальчика, которые в лесу поставили палатку, разложили рюкзаки и стали варить похлёбку. Внимательно изучив картинку, нужно было ответить на девять каверзных вопросов. Олег с отцом застряли на вопросе «Далеко ли от лагеря до ближайшего селения?». Наконец, они разглядели курицу, забредшую к туристам невесть откуда.

– Вот курица, значит, селение совсем близко – подсказала мать.

– Это ж сколько она топала из своей деревни? – недоверчиво спросил отец. – А может она километров тридцать прошагала. Где ж близко-то?

– Давай рассуждать – усмехнулась Людмила Петровна. – Взгляни на тень от мальчика-повара...Видишь что-нибудь?

– Ничего не вижу – стал раздражаться отец. – Тень как тень.

– Вот, смотри внимательно! По тени видно, что солнце находится на востоке, а значит на картинке утро. Выходит, твоя курица встала ни свет, ни заря, чтобы прошагать тридцать километров по глухому лесу? С какой же скоростью она двигалась, чтобы поспеть к завтраку?

Олег громко захохотал, вконец разозлив отца, который вскочил из кресла и направился в прихожую. Там, в кожаной куртке, лежали сигареты. Достав мятую пачку «Родопи», он быстро закурил и пригвоздил жену новым аргументом:

– С чего ты взяла, что лес – глухой? Курица, может, по шоссе добиралась! Знаешь, для тебя будет открытием, но часто шоссе пролегает вдоль леса. Я уж пол-страны исколесил, знаю о чём говорю.

– Ну и сколько раз ты видел курицу, которая добирается по шоссе?

– Папа, её же фуры могли сбить! – вставил Олег «свои пять копеек».

– А она по разделительной полосе бежала! – не сдавался отец. – По газону, по травке. И вообще, за каким хреном она попёрлась в лес? Эту долбанную курицу, что, в деревне не кормили?

Людмила Петровна видела, что мужа задевают её способности и дабы сгладить ситуацию, она нашла интеллектуальную игру, в которой сама ничего не смыслила. Как-то под вечер, когда отец с сыном «резались» в шашки она положила перед ними новенькую шахматную доску, от которой приятно пахло лаком.

– Хватит вам в детские игры играть! На-те, осваивайте.

– А я умею! – похвастался супруг. – По шахматам во дворе был лучшим.

– Вот и научи сына. Пусть тоже будет лучшим.

– Да, он у меня чемпионом мира станет. Олег, ну-ка присаживайся, бери того «коня». А вон «ладья» лежит. Запоминай: «ла-дья»! Но самый главный – это «ферзь». Смотри, какой важный! Ну прям как наш директор автобазы Шаронов, фасонистый гад.

Отец как в воду глядел – через десять лет Олег стал чемпионом города по шахматам. Он также одержал победу на нескольких математических олимпиадах. Закончил школу с золотой медалью, а в 1987 году получил красный диплом по специальности «автоматизация технологических процессов и производств». Двинул в аспирантуру.

А между тем, в стране развернулась горбачёвская «перестройка»...

Под занавес 1987-го, Олег пировал с родителями за большим столом и смотрел новогоднее обращение к советскому народу Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева:

– Конечно, перестройка идёт нелегко и не безболезненно. Не всё и не всегда сразу получается так, как задумано. Старое с боем уступает дорогу новому, но нас это не должно смущать. Мы взялись за огромное дело, которое преобразит и нас самих, и нашу страну...

– Красиво поёт соловей! – прокомментировал отец, наливая себе рюмку. – Чуть страну не довёл до ручки своей антиалкогольной компанией. Сколько народу отравилось «палёнкой» и разной химией.

– А вот нечего водку хлестать! – назидательно вставила Людмила Петровна. – Мне лично алкашей не жалко. Ладно бы пили, по-людски. Нет же. Напьются до зелёных чертей, потом жен своих колотят на глазах у детей! Сколько таких случаев хотя бы в нашем доме. Макаровы на пятом этаже, Васильевы на девятом...Бабам никакого житья нет от этих пьяниц.

– С 1 января...– продолжал Горбачёв своё выступление. – вступает в силу закон «О государственном предприятии». Это значит большинство трудовых коллективов начнёт работать и жить в условиях полного хозрасчёта, самофинансирования и самоуправления. Это значит, что всем надо учиться быть полновластными хозяевами на производстве.

– О! Дело говорит! – одобрил отец, хлопнув Олега по плечу. – Долой бесхозяйственность! А то привыкли – раз государственное, значит, общее. Если общее – ломай, воруй, делай что хошь! Лампочку в подъезде разбить или спиз...

– милое дело. И так повсюду. Я вон нашему дураку, директору автобусного парка Свиридову, говорю: давай по вечерам будем отлавливать хулиганов, которые пассажирские кресла в салонах вспарывают. Знаешь, куда он меня послал? А почему? Да потому что не его это имущество, а государственное. Небось за царапину на своих «Жигулях» родного сына прибьёт – не дрогнет рука.

– Согласен, страна нуждается в обновлении – продолжил Олег, пока Горбачёв рассказывал о всеобщем разоружении. – Вы посмотрите, как мы живём? На ракеты тратим миллионы, а в магазинах шаром покати. Вчера вон, в бакалее, «выбросили» на прилавок несчастную сгущенку, так меня чуть не снесли эти чокнутые сограждане. А одна такая бойкая старушка, как пошла отгонять авоськой других покупателей...девочку-школьницу шарахнула прямо по голове. Я сам в драку полез, когда жлобюра выхватил у старика банку сгущенки. К счастью, взял его на «болевой», и тот успокоился.

– Молодец! – рассмеялся отец. – Вот оно самбо – пригодилось! Ах, жаль меня не было, я бы ему добавил «своих хороших».

– Зря ты полез, Олег – не одобрила мать. – Таких ситуаций в жизни, знаешь сколько. Что ж ты будешь, всегда встречать? Возможно, это и благородно. Но глупо, глупо! Ты должен думать о своём будущем, а не размениваться на уличные баталии. Эти хулиганы, как правило, ходят шайкой, носят ножи, кастеты. Будь осторожен, Олег, заклинаю. Больше никуда не влезай! Пусть милиция разбирается. У тебя – аспирантура, кандидатская. Вот о чём ты должен сейчас думать.

– Что ж, я должен спокойно смотреть, как всякая сволочь...– начал заводиться Олег, но тут его прервал торжественный голос Горбачёва:

– С новым годом, дорогие товарищи!

– Хорош дискутировать! – приказал отец. – Олег, разливай шампанское! Мать, зажигай бенгальские огни! Поехали!

Тогда мало кто понял, что с Нового 1988 года страна встала на путь капитализма. Перевод предприятий на хозрасчёт, самокупаемость, самофинансирование – все эти первые ростки рыночной экономики заметили разве что продвинутые экономисты.

«Наверху» по-прежнему рапортовали о динамичном движении страны по пути социализма. Горбачев в этом своем новогоднем обращении – в год 70-летия Великой октябрьской социалистической революции – заявил, что «ленинские идеи торжествуют, революция продолжается». Требовалось только «сверить свои сегодняшние помыслы и дела с ленинскими идеями», избавить социализм от деформаций и перегибов.

Между тем в 1988 году началась история современного российского бизнеса. 26 мая был принят закон «О кооперации в СССР», де-факто разрешивший частное предпринимательство.

Друзья и знакомые Олега, один за другим, стали создавать кооперативы, движимые мечтой о мгновенном обогащении. Даже его сосед Мишка Арбузов, который в школьные годы был закоренелый троечник и прогульщик, открыл с приятелями свой видеосалон. Народ не жалел денег на зарубежные боевики, и очень скоро у Мишки завелись деньжата. Он любил хвастать своим богатством, зазывая одноклассников к себе на посиделки, чтобы поразить их своей «упакованной хатой». Щедро накрывал барский стол. Часто в его квартире устраивались шумные вечеринки. На весь подъезд орал «Ласковый май». Когда Мишка сталкивался с Олегом на лестничной площадке, или в лифте, он тотчас же интересовался, с ехидной улыбкой:

– Ну что, старик, всё еще в аспирантуре обретаешься, не надоело? Как продвигается твоя кандидатская?

– Спасибо, помаленьку – сухо отвечал Олег, сжимая портфель с бумагами.

– Заглядывай в мой видеосалон. По вечерам там очень интересно. Фильмы для «взрослых», рекомендую.

– Спасибо за предложение. Учту.

Однажды после очередного такого приглашения, уже выходя из подъезда Мишка бросил как бы невзначай:

– Особым успехом у населения пользуется немецкая эротика. Спроси у своего бати – он у нас частый гость.

Непонятно, на что рассчитывал Мишка – подчеркнуть ли в очередной раз своё мнимое превосходство, заинтриговать ли соседа афишей видеосалона, или просто «подколоть» по-дружески, но эффект получился обратным. Олег коротким «джебом» отправил Мишку куда-то в цветник, раскинувшийся под окнами их многоэтажки. Бабульки, сидевшие на лавочке, тут же закричали, заохали, принялись костерить «фулигана».

– Сочтёмся, падла! – орал Мишка, вылезая из палисадника.

Пока Олег корпел над своей диссертацией «Математические модели и алгоритмы проектирования взаимодействия АСУ», друзья постигали азы частного предпринимательства. Его приятель по университету Борис Виноградов, ушёл с литейного завода и открыл свою кафешку в центре города. По случаю, пригласил Олега отведать шашлычок.

– Знаешь, надоело торчать в этом производственно-техническом отделе – признался Боря, вальяжно развалившись на кожаном диване. – Прихожу я однажды на завод, к своим бумажкам, а тут муха влетела в окно и жужжит надо мной, как бешеная. Я банку с клубничным вареньем с вечера оставил в кабинете, на своей тумбочке. Вот муха и прилетела на угощение. Гляжу я на неё, бестолковую, и вдруг такая тоска взяла...Знаешь, я сам себя почувствовал мухой, которая на этом большом литейном заводе чё-то пыжится, летает, хочет угодить начальству. Ну и решил – рискну, начну своё дело. Или как говорят американцы, свой бизнес. У меня от отца остался «Запорожец», у матери на книжке были накопления, работник торговли всё-таки. Ну вот, развернулся, как видишь.

– Здорово! – похвалил Олег, разглядывая интерьер.

– Конечно, тут всё еще «по-совковому» – махнул рукой Боря. – Нужен современный дизайн. Я в прошлом году в Сочах видел одну кафешку, вот это уровень. Думаю, в июле махнуть туда, познакомиться с тамошними ребятами, общнуться малость. Ты сам-то как поживаешь, всё еще в аспирантуре, у Севастьянова?

– Пока да, скоро защита – Олег пригубил бокал с вином. – Скорей бы уж! Честно говоря, надоело до чёртиков. Вот ты мне рассказывал про свои ощущения, и я тебя понимаю, как никто. Вчера прихожу в лабораторию с утра, на полу повсюду стоят тазы, вёдра, какие-то лоханки. Ночью лил дождь, а наше здание на улице Энгельса построено еще при царе Горохе. Крыша латана-перелатана, ну и залило нас, по самое не хочу. Досталось и моим бумагам, пришлось весь день сушить. И сейчас у меня на столе вот такая разбухшая кипа. Сажу посреди этого вселенского потопа, смотрю на отвалившуюся штукатурку на стенах, на грязные окна и шторы, на страдающего от похмелья доцента Копытина, и тоже...такая тоска нахлынула. Похоже, наука, не моё призвание. Уже решил: защищаю диссертацию – и на производство, к живому делу.

– Как знаешь, Лега – пожал плечами Борис. – Если надумаешь на литейный, позвони. У меня там в кадрах приятель работает. Он тебя и сосватает директору завода на должность начальника отдела АСУ. Сейчас там сидит старый лис Балашов, без пяти минут пенсионер. Между тем советской промышленности требуются молодые, прогрессивные кадры! Станешь начальником отдела – зови на рюмочку чая, отметим. Хотя с твоей-то головой можно замахнуться и на большее. Ты не думал про собственное дело?

– Да, как-то не моё это, я ж «технарь» – усмехнулся Олег. – «Беда, коль пироги начнет спекать сапожник, а сапоги тачать пирожник...»

– Ой, не скажи, старик. Смотри, что в стране творится? – Борис оглянулся по сторонам. – Вчерашние комсомольцы открывают кооперативы и, страшно сказать, превращаются в капиталистов. Страна медленно, но верно дрейфует в сторону Запада.

– Ну ты уж загнул! А как же курс на «совершенствование социализма», возвращении к «ленинским нормам», «идеалам Октября»?

– Показуха! – прошептал Борис. – Сказки для доверчивых советских граждан пенсионного возраста. Никто уже не верит в эти лозунги. И ты в том числе, признайся? Вот я лично не верю. Только это между нами, старик...Сейчас на всех кухнях от Калининграда до Хабаровска такие идут дебаты между ретроградями и «прогрессивными» – что вся страна ходуном ходит. У меня дядя Женя с тётей Зиной каждый вечер цапаются «за политику». Еще вчера они обсуждали Пугачеву, Лещенко, Ротару, каких-то актёров, музыкантов, а сейчас всё их споры – о судьбах страны. Можно подумать, что без тёти Зины в правительстве и

Верховном Совете СССР не разберутся.

– Да мои «старрики» тоже всё дискутируют – признался Олег. – Начитаются газет, посмотрят телевизор, и пошло-поехало. Разругаются вдрызг, потом у одной – давление, у другого – боли в желудке. Взаимный бойкот на два дня. А затем начинаются новые стычки. И это мои родители, которые прожили друг с дружкой больше двадцать лет. Куда катимся, Боря?

– В светлое будущее, старик! – чуть не крикнул приятель. – Мы живём в удивительное время! Начинается эпоха, о которой мечтали все советские цеховики, фарцовщики и работники торговли. Время возможностей! Помнишь мы изучали политэкономия в универе? Ну там, Адам Смит, эпоха первоначального накопления капитала, накопление богатств... Так вот, что я хочу сказать, амиго? Лови момент!

– Боря только без обид... – предупредил Олег. – А у тебя случаем не началось головокружение от успехов? Знаешь, твоя ода напоминает знаменитую речь Остапа Бендера в шахматном клубе, в Васюках. Где, как известно, намечался «Межпланетный шахматный турнир». Мечтать не вредно!

– Ой, тёмный ты еще человек, Олег... – покачал головой Борис. – Ну ладно, будем исправлять пробелы в твоём образовании. Я тут тебе одну брошюрку подкину. Сборник статей, отпечатанный мной на обычной машинке.

– Кто авторы?

– Видные экономисты. Абалкин, Шаталин, ну и несколько иностранцев. Башковитые мужики. Сегодня они – «наше всё». Почитай на досуге, сразу многие вопросы отпадут. Только другим не давай брошюрку, мало ли... Мне с ребятами из «комитета» знакомится ни к чему. Да, собственно никакой антисоветчины там нет. Всё в духе нового времени, курсом на перестройку и ускорение. Однако, могут «впаять» за самиздат, при желании.

– Да я через пару дней верну тебе, не переживай – заверил Олег. – Почитаю дома, на своём скрипучем диване, в обстановке строжайшей секретности. Мать с отцом в мою комнату не заходят.

– Ну, добро! Потом обменяемся впечатлениями «под шашлычок». Кстати, как насчёт «повторить»? – Борис кивнул на бутылку вина. – Эту почти закончили. Кстати, что мы всё о политике да о политике? Рассказывай, как у тебя на личном фронте?

– От невест отбоя нет – пошутил Олег. – Но свою «единственную» еще не встретил.

В реальности, дела с «дамой сердца» обстояли неважно. Он был слишком загружен работой. Кучу времени отнимало преподавание. Свои лекции готовил основательно, не допуская халатности. Ему хотелось не просто бубнить перед аудиторией, а «жечь сердца глаголом», вовлекая слушателей в активное обсуждение. В студенческие годы он терпеть не мог «гундосов», которые менторским тоном сухо излагали материал, злобно поблескивая чёрными роговыми очками.

Время, свободное от лекций, Олег посвящал своей диссертации, мотаясь то в лабораторию, то на производство. И здесь проявился его перфекционизм. А, если честно, он боялся, что разные небрежности сделают его диссертацию еще одной ненужностью, фикцией, макулатурой.

– Видите ли, Олег Михайлович – говорил ему научный руководитель, профессор Севастьянов. – Многие диссертации создаются ради самих диссертаций. Наука давно уже стала прибыльным местом для разного рода карьеристов. Я за свои годы столько перевидал псевдонаучных работ, что мог бы растапливать этой макулатурой русскую печь, у себя на даче. Вчера профессор педагогики Латышев показал мне один такой образчик. Тема звучала так: «Теоретические основы педагогического...эээ...моделирования в соревновательной деятельности спортсменов в русской лапте». Каково? Я надеюсь, ваша работа станет исключением в этом мрачном, смешном и бесконечном списке бездарных творений.

Олег поклялся себе, что разобьётся в лепешку, но сделает диссертацию актуальной, нужной. Ему не хотелось выглядеть на защите посмешищем, когда результат уже известен, но ради приличия ведётся формальная и скучная дискуссия. Когда десятки учёных мужей одобрительно кивают головами, втайне предвкушая роскошный банкет по случаю защиты.

Круг общения у Олега был очень узким – коллеги-аспиранты, заводчане, научный руководитель и родители. Все его темы разговоров так или иначе крутились вокруг диссертации. Он совершенно не следил за модой, и ходил зимой, и летом в одном сером мешковатом костюме. Впрочем, иногда он обряжался в колючий свитер с оленями, который ему связала тетя Зоя, мамина сестра из Иркутска.

Понятно, для девушек конца 80-х, влюбленных в евродиско и Томаса Андерса, Олег не представлял особого интереса. Типичный «ботаник», зарывшийся в книгах, проживающий с мамой и папой, вечно без денег, заумный до потери пульса.

Аудитория на его лекциях была, преимущественно, мужская. А те несколько девиц, которые учились на факультете автоматизации, казались Олегу скучными «серыми мышками», отличницами, прилежно записывающими в толстые тетрадки каждое его слово. Возможно даже, что они были влюблены в молодого умного преподавателя, забавляясь с ним по-всякому в женских фантазиях, но ни словом, ни жестом эти «тихони» никак себя не проявляли. Даже одевались они до безумия скучно, словно пожилые работницы «собеса».

Однако пресная, деловая жизнь Олега изменилась с приходом в университет преподавателя английского языка Вероники, которая была удивительно похожа на модную тогда Ирину Понаровскую. Эффектная блондинка сразу покорила всю мужскую братию: как юных студентов, так и седовласых профессоров. Олег не стал исключением. Ему отчего-то было приятно думать о ней в перерывах между своими научными измышлениями. И если в какой-то из дней, он не встречал её где-нибудь в коридоре или столовой, лёгкая грусть проникала в сердце.

За Вероникой то и дело кто-нибудь увивался. Впрочем, безуспешно. Она элегантно отшивала кавалеров из самых разных возрастных и социальных категорий, так что даже самые отчаянные Дон-Жуаны терпели фиаско (под одобрителный хохот других поклонников).

Через полгода за ней закрепилась репутация «стервы, которая никому не даёт». Другие же, напротив, уверяли, что ночная жизнь Вероники весьма бурная и разнообразная. В ответ на эти домыслы, которые активно разносил по университету её отвергнутый воздыхатель Копытин, Вероника говорила девочкам-методистам:

– Запомните, у красивой женщины не может быть хорошей репутации!

Олег не знал, как подступиться к своей любимой, сходу покорившей сердце технаря-логика. Её неоднозначная репутация – от «недоступной стервы» до «элитной куртизанки» – обнуляла все шансы на успех. И прагматичный Олег, словно высчитав по формуле Эйлера итоговый результат, махнул рукой на доводы сердца, продолжая, однако, страдать от безответной любви.

Помог случай. 7 марта 1990 года в университете намечался банкет по случаю Международного Женского Дня. С продуктами в тот год был полный швах. Всё, от сахара до мыла выдавалось по талонам. В гастрономах стояли хмурые продавщицы, которым нечем было торговать, кроме кильки в томате и ливерной колбасы (если повезет). Голодных советских граждан встречали идеально пустые прилавки, вымытые чей-то заботливой рукой. Иногда на них стояли вазочки с искусственными цветами, будто скорбящие о загубленной экономике. И совсем издевательскими казались сияющие вывески наверху торгового зала: «Колбасы», «Мясо», «Конфеты», «Рыба», «Торты»...

Тем не менее, ректор университета Туманов решил организовать застолье, чем вызвал немалое удивление у коллег.

– Мужики! – сказал он по-свойски на собрании мужского коллектива. – Я понимаю, сейчас в магазинах шаром покати. В это сложное время, кому-то моё предложение может показаться безумием, пиром во время чумы. Но...давайте для наших милых дам организуем настоящий праздничный банкет. Вот это будет подарок! Алкоголь и цветы я беру на себя. Решим что-нибудь и с конфетами. Сложнее добыть колбасу с сыром. Что ж, подключим кое-какие связи. Среди наших выпускников есть немало оборотистых ребят в сфере торговли. Возможно, даже пробьём прибалтийские шпроты. Гулять так гулять! У кого есть соленья – несите, будем рады. Шульгин, ты всё хвастался своими малосольными огурцами. Побалуй коллег, Геннадий Василич, не жадись! Огурчики под водочку – милое дело!

Все рассмеялись, уже заранее настраиваясь на пышное застолье. Кто-то даже захлопал в ладоши, в порыве чувств.

– Ну, а теперь о главном...– Туманов строго оглядел коллег, и воровато улыбнулся. – Сейчас многие подумали, что речь пойдёт о деньгах. Мол, давайте,

братцы, сбросимся в общий котёл, сколько не жалко. Но нет, голубчики. Ваши рублишки мы возьмём из профкома. И на том спасибо. А моё поручение будет весьма деликатным, но непреклонным. Каждый факультет обязан подготовить по два – я повторяю, по два! – концертных номера. Что хотите делайте, а наших женщин мы должны удивить, поразить! Пусть хотя бы на один вечер они забудут о домашних заботах, пустых холодильниках и прочей бытовухе. Вот в этом вопросе я буду беспощаден, невзирая на должности. Саботажа не потерплю. Вплоть до увольнения, ребята. Всем ясно?

Туманов сурово погрозил пальцем, оглядывая аудиторию.

– Да сделаем Георгий Александрович! Уж не подведём.

– Ну, тогда по коням!

Олег понял, что судьба предоставила ему шанс. Праздничный вечер – идеальное время для знакомства с Вероникой. Когда ещё представится такой случай?

До мероприятия оставалось меньше чем две недели. Вечером Олег пришёл домой, и, наскоро поужинав, ушёл в свою комнату. Здесь он разложил на диване весь свой нехитрый гардероб, мысленно прикидывая, в чём лучше пойти на банкет? Наконец, выбрал темно-серый костюм, голубую рубашку и синий галстук. Оделся и подошёл к зеркалу, скептически оценивая официальный наряд. Да уж, вряд ли такое облачение произведёт впечатление на Веронику.

В это время в комнату зашёл отец, для приличия постучав пару раз:

– О! Куда собрался кавалер?

– Готовлюсь к завтрашней лекции – слукавил Олег.

– Не, я просто спросил. Но если собираешься на свидание, лучше взять мой галстук. Погодь секунду.

Отец исчез в проёме двери и через минуту появился снова.

– На, дарю! – весело сказал он, вручая презент. – Это не галстук – огонь! Бразильский! Такого в Союзу ни у кого нет. Где достал, не спрашивай.

– А ты в каком году его приобрел? – поинтересовался сын, недоверчиво осматривая подарок.

– Эээ...примерно в 75-ом, а что? Да он почти не ношенный. Ну, может одевал пару раз на демонстрацию или в кафешку. Носи, не стесняйся. Все бабы твои будут.

– Спасибо! – вежливо ответил Олег. – Правда, он несколько старомодный.

– Ерунда! Такие галстуки всегда модные. Смотри, какой рисунок! А ткань? Ну-ка, пощупай! То-то! Где сейчас такой достанешь? Ширпотреб кругом. Вот примерь-ка. Так, для интереса...

Олег из вежливости исполнил просьбу родителя.

– Вылитый Бельмондо! – восхищенно произнёс отец. – Еще бы шляпу тебе и сигару! Слушай, а кто она – твоя дама сердца? Ежели по секрету...

– Да какая дама сердца?! – рассердился сын. – Сказал же, лекция...

– Ну, привет от меня этой «лекции»! – подмигнул отец, закрывая за собой дверь. – Кстати, ЦСКА сегодня продел «крыльям», 3:4. Обидно...

На следующий день, Олег позвонил Борьке Виноградову, с твердым намерением прикупить пару-тройку модных вещей. Мать у Бори работала директором универмага, и могла достать разный дефицитный товар. Она баловала сына импортными нарядами, в том числе из капиталистических стран, вызывая жгучую зависть у местных гопников. Однажды, в школьной раздевалке, кто-то прошёлся лезвием по «аляске» Бориса, разрезав надвое спинку. В другой раз, на дискотеке у него «отжали» фирменные кроссовки «Адидас», отдав взамен стоптанные кеды 46-го размера.

Созвонившись с другом, Олег вкратце поделился своими планами на предстоящий банкет.

– Что-нибудь придумаем, старик! – обнадежил Боря. – Давай, через пару дней «заруливай» ко мне вечером, в кафешку. Покажу самые актуальные модели этого сезона. Говори размеры, записываю.

– По деньгам, сколько встанет?

– Это не по телефону, обсудим на месте.

Олег занял у отца двести рублей, добавил своих сто, и в пятницу, направился на примерку. В кафе, у Бориса, ворковали за столиками влюбленные «парочки», играла легкая музычка и, вообще, было очень уютно.

– Здорово, дружище – приветствовал Борис. – Пошли в мой кабинет, посидим-потолкуем. По рюмке коньяка пропустим.

Олег направился за приятелем, в сотый раз суетливо проверяя деньги, которые лежали у него во внутреннем кармане пиджака.

– Располагайся! – небрежно бросил Борис, когда они зашли в кабинет. – Вот колбаска, лимончик, угощайся. Давай, «по-маленькой» за встречу? Армянский коньяк, рекомендую. Жуткий дефицит. Я люблю разбавлять его «пепси». Получается такой приятный экзотический коктейль.

Приняв пару стопок коньяка, Олег разоткровенничался и поведал о «прекрасной девушке Веронике», с которой он давно хотел познакомиться. Борис, увидев на лице друга блаженное выражение, понял, что дело зашло далеко, и решил помочь советом.

– Знаешь, я не специалист в таких делах... – начал Борис издали, аккуратно раскрывая пачку «Marlboro». – Но первое что ты должен сделать – забыть свои «совковые» наряды. Представляю ваш банкет. Полсотни мужиков и все в одинаковых скучных костюмах. Твоя задача – выделиться, а не затеряться на фоне серой безликой массы.

Борис залез в ящик стола и вынул оттуда пару целлофановых свертков.

– Разворачивай, смотри! – предложил он Олегу. – Первое, это белый итальянский джемпер с оригинальным орнаментом. Очень стильно! Только не вздумай одеть под него рубашку или майку. Весь эффект испортишь. Второе, это голубые джинсы «Montana» со знаменитым орлом на заднице. К нему кожаный ремень. Тоже очень стильно! Твоя Вероника сойдёт с ума. А сейчас сделаем так. Ты переодевайся, а потом спускайся в фойе, полюбуешься на себя в зеркалах.

– Ну что, прям здесь? – растерялся друг.

– Конечно! Я пока сделаю пару звонков.

Олег спешно скинул с себя постылый костюм, и аккуратно надел импортные шмотки, от которых пахло чем-то заграничным. Он спустился в фойе, заметив любопытные взгляды девиц, которые лениво слушали болтовню своих кавалеров. Подойдя к зеркалу, Олег увидел в нём стильного крутого парня, которые мелькали в американских боевиках. Трудно было представить, что этот пижон – всего-навсего заштатный аспирант провинциального разлива. Словно в ответ на его мысли, две девушки за столиком приветливо помахали ему ручкой, приглашая в свою компанию. Олег спешно ретировался с «подиума», стыдливо чувствуя себя звездой Голливуда.

– Ну, как, понравилось? – спросил Борис, закуривая очередную сигарету.

– Не то слово. Я просто ошарашен! Это не слишком вычурно?

– Это нормально! Поносишь недельку-другую, и привыкнешь. Будет как вторая кожа. Я тоже вначале нервничал...

Борис наслаждался произведенным эффектом и продолжил наставлять друга в делах альковных:

– Как я понял, эта твоя Вероника совсем непростая леди. Поэтому требуются смелые, красивые поступки. Долой разум и трусость!

– Что ты предлагаешь?

– Ты сам говорил, вам поручили подготовить концертный номер.

- Да, мы уже репетируем кафедрой песню «Как много девушек хороших». Помнишь, из репертуара Утёсова?

Борис рассмеялся.

- Старик! Отделяйся от коллектива! Чтобы поразить свою Веронику, тебе придётся спеть самому. В одиночку. Романс! Женщин любят ушами, запомни.

- Шутишь?

- Ты же умеешь бренчать на гитаре? Я помню, по студенческим годам.

- Вот именно-бренчать!

- Ну не знаю. Найди песню с простыми аккордами и отрепетируй.

- Да тут неделя осталась! - вскочил Олег. - Какая песня? Я лучше стихи прочту.

Борис поморщился.

- Нужна песня. Красивая, романтическая... Чтобы в груди щемило сердце, а на глазах наворачивались слёзы. Малинина слышал? Ну вот, в этом духе. Действуй, старик! Или будешь грызть локти с досады, когда твоя Вероника «выскочит» за другого. История ценит поступки, а не болтовню.

В субботу утром, Олег нашёл в антресоли свою старую студенческую тетрадь с аккордами и стихами. В основном, это были простые, душевные песни, которые исполнялись на «капустниках», кухонных посиделках или где-то в походе, у костра.

Своё внимание Олег остановил на песне Визбора. Нашёл в домашней фонотеке пластинку с исполнением автора, и прослушал её раз пять, мысленно представляя себя на праздничном вечере, в окружении коллег. Он взял гитару и стал подбирать аккорды, тихонько напевая лиричные строчки.

Так пролетели все выходные. Затем в течение недели, каждый вечер, Олег прилежно репетировал, встав перед зеркалом шифоньера, словно на сцене

телецентра «Останкино». Чтобы родители не докучали ему с расспросами, он забаррикадировался в своей комнате, подперев входную дверь массивным креслом-кроватью. Впрочем, и мать, и отец, тайком друг от друга, на цыпочках подходили к комнате сына, прислушиваясь к тихому пению.

Всю ночь, перед праздничным концертом, Олег не мог заснуть. Ворочался с боку на бок, то напевая про себя строчки Визбора, то представляя, как лопается гитарная струна посреди припева, то выбирая между своим старым костюмом и импортными «шмотками». Потом его стали одолевать мысли о Веронике: вот они знакомятся, гуляют по улицам, радуются солнцу и любви, а вот они уже в ЗАГСе, молодые, счастливые. И впереди целая жизнь...

Наконец, под утро, его сморило. Только пошёл самый что ни на есть сладкий сон, как вдруг истерично заорал будильник. Олег шарахнул по нему ладонью и злобно взглянул на стрелки – уже полшестого, пора вставать. Помятый и не выспавшийся, он прошлепал в ванную, где под прохладным душем, окончательно проснулся и выскочил уже бодрячком. На кухне никого не было. Мать еще спала, отец ранехонько умчался на работу, в автопарк.

Олег по-быстрому сварганил яичницу, съел простенький бутерброд с маслом и выпил стакан грузинского чая. Обычный завтрак советского провинциала. Уже стоя перед зеркалом, напялил импортный свитер, залез в джинсы, ощущая себя Майклом Джексонем. Гитару он накануне отнёс в институт, чтобы отправиться в университет налегке. С утра в автобусе вечно куча народу. Влезаешь в это людское месиво, проклиная всё на свете. Крики, ругань, мат, теснотища. Чья-то колбасная или чесночная вонь (а то и похуже), от многих разит перегаром. Олег представил эту картину Босха, и решил двинуть пешком, чтобы не портить себе настроение. Топать, конечно, не близко. Но, по крайней мере, по свежему воздуху, в котором нет-нет да уже чувствовалось дыхание весны.

Выйдя из подъезда, направился в сторону проспекта, но тут его окликнули. Боря Виноградов сидел в своём «Жигуленке», поджидая приятеля.

– Какими ветрами? – удивился Олег.

– Садись, подброшу! Поболтаем немного. Ну, что подготовил песню?

- Надеюсь! Целую неделю сидел затворником, репетировал. Посмотри на мои пальцы? Они все изрезаны струнами.

- Вижу! Славно поработал, одобряю.

Они вырулили на проспект, и помчались с ветерком. Навстречу им попадались редкие утренние авто. Борис закурил в машине, бросив мимоходом:

- Не суетись, минут через пять будем на месте. Успеем.

Олег махнул рукой:

- Да я со вчерашнего вечера, как на иголках. Спал от силы часа три. Всякие мысли лезут ненужные. Боюсь слова забыть, когда петь начну. Говорят, такое случается даже у профессиональных артистов. Куда уж нам, любителям?

- Да не психуй ты, всё будет нормально. Прими перед выступлением рюмочку - «нервяк» исчезнет. Проверено на себе.

Боря пошёл на разворот, внаглую пересёк «двойную сплошную» и эффектно припарковался перед зданием университета.

- Хотел бы я также научиться водить машину - восхищенно сказал Олег, открывая дверцу. - Спасибо, выручил! А то пришлось бы топтать пешком.

- Погодь, старина! - Боря откинулся на заднее сиденье и достал завернутый в газету букет. - На, держи! Подаришь своей даме сердца. Только прям с утра дари, не тяни резину.

- Боря, ты...ты...настоящий друг! Сколько я должен?

- Нисколько. Это же не тебе, а даме.

- И всё-таки...

Олег полез было за кошельком, но приятель резко захлопнул дверь и стартанул по проспекту, приветливо посигналив пару раз.

До начала занятий в институте оставалось полчаса. В коридорах уже было шумно, студенты толклись у парадного входа и на лестницах, раздаривая сокурсницам цветные воздушные шарики. Чувствовалась атмосфера праздника.

Скинув в кабинете пальто, и наскоро причесавшись, Олег развернул букет, бережно упакованный в «Комсомольскую правду», со страницами, разоблачающими сталинские репрессии. словно из застенков, на солнечный свет выпорхнули десятки красных роз, приветствуя весну и влюбленного Олега.

– Ничего себе букетик! – восхитился доцент Копытин. – Откуда «дровишки»? Сейчас даже гвоздики непросто достать, а уж такие цветы. Это ж пол-зарплаты, ёлки-палки. Скромнее надо быть, Самойлов.

– Ночью ограбил ларёк спекулянтов... – заговорщицки произнёс Олег, и скорее выпорхнул из кабинета.

Филологический факультет располагался на втором этаже. Из кабинета английского языка слышался веселый говор и смех Вероники. Она стояла в окружении студентов, которые преподнесли ей несколько красных гвоздик.

– Вероника Александровна! – набрался смелости Олег, заглянув в класс. – Можно вас на секундочку.

– Конечно, конечно...

Вероника вышла из кабинета, с любопытством взирая на коллегу.

– Это вам! – нервно улыбаясь, сказал Олег. – Поздравляю с 8 марта! От нашего дружного мужского коллектива. От нашей кафедры.

– От коллектива или от вас лично? – шутливо уточнила Вероника, разглядывая то букет, то кавалера, всего такого модного, заграничного.

– И от меня лично! – расхохотался Олег, как-то уж очень громко, и тут же стыдливо притих.

– Вы знаете...– Вероника наклонилась к его уху, прошептав со значением. – Мне еще никто...никогда...не дарил таких роскошных букетов.

– Очень рад, если понравилось! Еще раз с праздником!

Олег поспешил удалиться, чтобы не задохнуться от нахлынувшей любви. И весь день ходил, как шальной. Читал студентам лекцию, а сам то и дело поглядывал на часы, дожидаясь вечера. Некоторые его коллеги уже празднично шатались по коридорам, обсуждая предстоящий банкет и втихаря распивая портвейн. Доцент Копытин с утра ходил «навеселе», как непосредственный организатор мероприятия, на чьи плечи легли суровые «тяготы» общественной жизни.

Наконец, в пять вечера народ стал подтягиваться в университетскую столовую, где на весь зал гремела дискотечная музыка. Первые посетители скромно стояли перед входом не решаясь присесть за столы, расставленные буквой «П». Кто-то изображал полную отрешенность от события, погруженный в сокровенные и непостижимые простому смертному учёные думы, которые не покидали мыслителя даже в час веселья. Что, впрочем, не мешало бросать любопытствующий взгляд в сторону винных бутылок.

Доцент Копытин, показывая своё усердие перед коллегами, зачем-то подгонял поварих, хотя итак всё уже было накрыто, и сервировка столов смотрелась, как в ресторане. Словно из брежневского «застоя» откуда-то возникли колбасные и сырные тарелки, салат «Оливье», шпроты, овощные и фруктовые нарезки, хорошее вино и даже коньяк.

– Уху сразу подавать? – поинтересовалась у Копытина одна из поварих, измотанная с утра непрерывной готовкой.

– Давайте без самодеятельности – сухо отрезал тот. – Когда дам команду, тогда действуйте. У меня всё расписано по секундам.

И как только, зашёл ректор Туманов со своей женой, а за ним старейшие профессора университета (как их называли «пантеон»), Копытин, словно заправский метрдотель, стали приглашать всех остальных гостей за столы,

изображая перед начальством деланное радушие.

– Денис, ты куда нас «засунул»? – спросил у него ректор, с одобрением осматривая богатую сервировку и дефицитную продукцию, которую он пробивал в течение этих недель.

– Георгий Александрович, Надежда Михайловна, вам сюда! – улыбнулся Копытин, показывая рукой в «президиум». – Лучшие места.

Наконец, все расселись, и после торжественного слова ректора, началась концертная программа. Открыл её старший преподаватель философии Протопопов, который густым басом исполнил под фонограмму «Эти глаза напротив» – незабвенный хит Валерия Ободзинского. Песня была малость исковеркана. Так, вместо слов «Вот и свела судьба нас», тучный Протопопов пел, кружа по залу, словно бабочка:

– Вот и пришла судьба, вот и пришла судьба, вот и пришла судьба к нааааам...

Между концертными номерами, кто-то из «пантеона» произносил тост за прекрасных дам, под бурные аплодисменты коллег, которые радовались роскошному застолью, неслыханному по меркам голодного 1990 года.

Олег сидел с правой стороны, в окружении преподавателей факультета автоматизации. Он старался не смотреть на Веронику, находившуюся в отдалении, за столами левого сектора, расположенными через концертный «пяточок». Одетая в облегающее розовое платье, она была поистине королевой бала. Порой слышался её звонкий смех, и Олег невольно смотрел на свою любимую. Пару раз их взгляды пересеклись, вгоняя его в смятение. Чтобы успокоить расшатанные нервы, Олег выпил две рюмки коньяка, отчего на душе стало легче.

Меж тем, начался «Танец маленьких лебедей» в исполнении мужчин, который в любом рабочем коллективе на всём пространстве Советского Союза, всегда проходил на «ура». Вот и сейчас женщины падали от смеха, вытирали слезы и потекшие тени, махали руками на игривых танцоров:

– Ой, не могу! Такие вредные! А, Воронин, Воронин... в дырявых чулках, поросёнок!

Олег тихонько вышел из-за стола и направился за гитарой в специальный «закуток», выделенный под гримерную. Следующим шло его выступление. Трудно новичку выходить на сцену. Особенно трудно после того фурора, который произвели «маленькие лебеди». Но Копытин так составил программу, чтобы после смешных номеров, шли серьёзные, лиричные выступления, дабы не превратить концерт в «дешёвый балаган».

– Сейчас этот кордебалет закончится, и я приглашаю тебя – сказал Копытин, строго зыркнув на коллегу. – Давай уж, не подведи факультет. Пой с чувством, на разрыв! Как Высоцкий!

– Постараюсь... – сухо сказал Олег, скептически оценивая «дружеское напутствие», которое ничуть не помогало, а вызывало раздражение.

«Лебеди» закончили своё выступление, и еще долго не смолкали бурные аплодисменты от благодарных зрителей. Копытин в роли конферансье, с лучезарной улыбкой, стоял посреди всеобщего ликования, словно эти восторги были адресованы лично ему. Снисходительно дождавшись, когда публика, наконец, успокоится, Копытин произнёс торжественным тоном, будто на сцене Кремлёвского дворца съездов:

– А сейчас от факультета автоматизации прозвучит одна из известных песен представителей поколения бардов Юрия Визбора.

Раздались жидкие аплодисменты, после чего воцарилась пугающая тишина.

Олег, ни жив, ни мертв, вышел из «закутка». Сотни глаз уставились на него. Среди них – ЕЁ глаза. Такие прекрасные, волнующие, голубые...

Копытин участливо придвинул микрофон, уступая почётное место исполнителю и галантно удаляясь со сцены. Олег, в свою очередь также галантно пропустил конферансье, но, соревнуясь в деликатности, не заметил, как его локоть резко крутанулся и снёс стойку с микрофоном.

Из колонок раздался протяжный и скрипучий звук, бьющий по нервам:

– Ыыыыыыыыыыыыыыыыыы.....

Публика вжала плечи, кто-то закрыл уши руками.

– Прошу прощения! – повинился Олег, весь красный и вспотевший, будто после хорошей бани.

Копытин благосклонно поднял стойку с микрофоном, пощёлкал по нему пальцем, проверил звучание:

– Раз, раз...

И снова пригласил незадачливого певца, сочувственно похлопав недотёпу по плечу:

– Прошу! Давайте поддержим коллегу!

Публика приветственно зааплодировала.

Олег на ватных ногах подошёл к микрофону. Хотел было еще раз извиниться, но вовремя понял, что это глупо, что повторно получиться смешно и жалко. Взяв аккорды, и проиграв вступление, он запел душевным голосом, невольно подражая Визбору:

Всем нашим встречам

Разлуки, увы, суждены,

Тих и печален ручей у янтарной сосны.

Пеплом несмелым

Подёрнулись угли костра.

Вот и окончилось всё,

Расставаться пора.

И вдруг, к удивлению Олега, весь зал хором начал ему подпевать, раскачиваясь в такт мелодии:

Милая моя,

Солнышко лесное,

Где, в каких краях

Встретишься со мною.

Ректор Туманов вскочил со своего места, и, резво обойдя столы, присоединился к Олегу. Тут же к ним примкнули еще несколько профессоров. Обняв друг дружку, они с умилением исполняли песню, знакомую им, «шестидесятникам», по временам молодости.

Олег совсем осмелел, и уверенно перебирая струны (неделя репетиций не прошла даром!), бросил взгляд на Веронику. Своими прекрасными глазами, с характерным блеском, она восхищенно смотрела на него, улыбаясь неземной улыбкой.

– Милая моя – пел Олег, словно для неё одной. – Солнышко лесное, где, в каких краях встретимся с тобою?

Как только стихла песня, публика взорвалась аплодисментами.

– Ура, молодцы! Порадовали! Ай, порадовали!

Олег, весь взволнованный и довольный, сел за стол, сходу хлопнув полную рюмку, которую ему услужливо преподнесли товарищи, одобрительно хлопая «артиста» по спине.

– Олегыч, да ты талант! Дуй в консерваторию. Бросай диссертацию, на кой она тебе?

Никто уже и не помнил про неловкую ситуацию, когда грохнулся микрофон, пришлось извиняться и т.д.

Праздничный концерт продолжался. Теперь Олег весело поглядывал на происходящее, смеялся до слёз выходкам коллег и отчаянно, с благородностью хлопал в ладоши. Всё-таки, непростое это ремесло, выступать на сцене...

Копытин с болтающимся галстуком, уже изрядно «набравшись», сам чуть не снёс стойку с микрофоном, и, глуповато улыбаясь, объявил танцы. Зазвучал супер-популярный хит «Cheri, Cheri Lady».

Все вскочили со своих мест и бросились в центр, где образовался большой круг из танцующих. Особенно усердствовали под «Modern Talking» молодые преподаватели с девочками-методистами. Впрочем, и некоторые седовласые профессора задавали жару, демонстрируя, что «тоже кое-что умеют». Копытин влетел в центр круга, и сняв пиджак, принялся им размахивать, словно шашкой.

Как обычно было в те годы, после быстрых композиций, ведущие ставили «медляки», приглашая публику на томное вальсирование, с которого и начинался демографический рост в стране.

Олег намеренно пропустил первый «медляк», чтобы не показаться Веронике еще одним назойливым поклонником. Он видел, как несколько преподавателей рванули в её сторону, приглашая на танец. Решив переждать этот ажиотаж, Олег включился в стихийную дискуссию, которая возникла в курилке на предмет горбачевских реформ и охватившего страну «раздрая».

Направляясь обратно в зал, он столкнулся с пьянущим Копытиным, зачем-то схватившим его за рукав:

– Коллега, на пару слов...– сказал «конферансье».

– Да в чём дело-то? – усмехнулся Олег, устраиваясь на подоконнике.

– У меня к тебе личный вопрос...с Вашего позволения. Тут одна сорока разнесла, что ты утром подарил Веронике Щербаковой роскошный букет.

– Ну, допустим...

– Старик, это твоё личное дело. Я не влезаю в такие вопросы. Ты знаешь мои принципы. Но считаю нужным тебя предупредить. За ней ухлестывает один «фирмач». Говорят, серьёзный дядя, связан с местной шпаной. У него несколько ларьков по городу. Это между нами, понял? Дальше решай сам.

– Ясно... – холодно сказал Олег.

– Дружище, не лез бы ты в эту историю – сочувственно произнёс Копытин. – Конечно, баба она красивая. Я сам к ней клеился. Но девочка – увы! – занята. Ну её! Себе дороже. Какие-нибудь отморозки подкараулят еще у подъезда. А там или ножом пырнут, или монтажками отмудохают. Оно те надо? Брось! Других баб что ли мало? И вообще, пошли выпьем! Ты здорово сегодня спел. Надо отметить дебют.

«Ах, вот значит, как...» – подумал Олег, в один миг возненавидев свою любовь. Празднично-романтическое настроение тут же улетучилось. Он направился в зал, чтобы забрать гитару и покинуть это пиршество с тяжелым гнетущим сердцем. Не так он представлял себе окончание вечера. Вспомнил ночные «бредни»: любовь, ЗАГС, долгая счастливая жизнь...Зачехлил гитару.

– Разве вы уже уходите? – вдруг услышал он знакомый волшебный голос.

На него игривым, добрым взглядом смотрела Вероника в своём умопомрачительном, розовом платье.

– А с кем же я буду танцевать, Олег?

Сначала они встречались по выходным. Оба были слишком загружены работой, чтобы позволить себе большее. Перед завершением учебного года на них, преподавателей вуза, возросла нагрузка и приходилось торчать в аудиториях до позднего вечера.

К тому же в провинциальном городке с местами «для культурного досуга» было совсем кисло. Олег приглашал возлюбленную в кино, видеосалон или в борькину кафешку. Иногда они просто гуляли по парку, наслаждаясь ранней весной.

В основном, их разговоры вращались вокруг университета. Вероника рассказывала о своих студентах, которые с особым трепетом относились к её предмету, поскольку рассматривали английский язык как ресурс, чтобы «свалить из Союза» и закрепиться где-нибудь, на Западе. Веронику часто приглашали в качестве репетитора ушлые родители какого-нибудь старшеклассника, также планируя для своего чада сытую жизнь в «цивилизованной стране», лучше в Штатах или Германии.

Олег часто рассказывал об американских персональных компьютерах IBM, чей приход в СССР – вопрос времени:

– Они полностью изменят всю экономику, промышленность и науку, заменяя во всех сферах ограниченный человеческий разум. Например, уже сейчас существуют шахматные ЭВМ, которые громят даже опытных гроссмейстеров. А придёт время, и такой компьютер будет побеждать действующих чемпионов мира: Карпова, Каспарова...

– Ну, хорошо – соглашалась Вероника. – В промышленности и экономике, эти ваши компьютеры помогут неразумному человечеству. А вот, если взять такую область как: знакомства, отношения, любовь, семья...Здесь тоже не обойтись без ЭВМ?

– Я думаю – пророчески заявлял Олег. – Что лет через десять, люди смогут знакомиться и общаться на расстоянии при помощи компьютеров. Скажем, девушка из Бразилии сможет направить лирическое послание парню из Лаоса всего лишь за несколько секунд.

– А целоваться они тоже будут через ЭВМ? – пошутила Вероника, загадочно взглянув на своего кавалера.

Олег не растерялся и трепетно обняв возлюбленную, одарил первым скромным поцелуем.

Между тем, за влюбленной парочкой, наблюдали с похабными ухмылками двое амбалов, которые работали на известного в «узких кругах» кооператора – Романа Ермилова. Того самого «фирмача», про которого говорил Копытин. Отмотав в начале 80-х срок за скупку и сбыт краденных вещей, Ермилов развернул бурную деятельность в эпоху перестройки, спекулируя разным

дефицитным товаром: жвачкой, сигаретами, презервативами, аудиокассетами и т.д. В центре города стоял его ларёк с броским названием «Европа», куда ломился народ, как на ярмарку развитого капитализма. Территорию вокруг магазина контролировали местные гопники, которые «отжимали» у малолеток мятые рублишки, скопленные на жевачку и запрятанные в носок. Потом, эти же гопники топали в «Европу», чтобы купить себе «Мальборо» или эротические журнальчики.

Как-то раз, в кафешке Рома увидел красивую блондинку, и решил, что «эта тёлка» непременно станет его бабой. Первый раз он подкатил к Веронике на престижной в ту пору вишнёвой девятке, давая понять, что парень он – крутой, при деньгах, с самыми «серьёзными» намерениями. Получив отказ, Ермилов только раззадорился, наслаждаясь извилистым началом. Ему не нравилось, когда девушка ведёт себя развязно и доступна уже с первого вечера.

– Это не мой уровень...– с чувством собственного достоинства говорил он, мечтая о «королеве».

А посему, даже после нескольких отказов Вероники, продолжил «любовные игры», содрогаясь от счастливого финала, который уже «не за горами». Уверенный в своём успехе, он даже присмотрел номер «люкс» в гостинице, где впервые состоится «перепихон».

И когда, в середине мая, дружки заявили, что его баба нашла другого, пока он её обхаживал как «порядочный пацан» – Ермилова обуяла ненависть. Первым делом «фирмач» решил посчитаться с соперником, причём не где-нибудь в подворотне, а прямо на глазах у Дездемоны. Чтобы показать этой дуре, на какого «чушпана» она променяла такого парня, как «Рома-купец».

Вместе с дружками, Ермилов разработал нехитрый план: подкараулить парочку где-нибудь на тихой улочке, ну а уж там действовать по обстоятельствам и без свидетелей. Тёплым майским вечером, «девятка» Ермилова подъехала к трансформаторной подстанции, расположенной неподалеку от дома Вероники. На часах было полдесятого, когда в лучах одинокого фонаря, освещавшего целый двор, показались «влюбленные».

– Вот они, суки – произнёс Ермилов, бросая сигарету в окошко.

– Натрахались, счастливые...– язвительно произнёс его кореш по кличке Рейган.

– Заткнись! Иди, встречай «баклана». Скажешь, что твоему деду-ветерану стало плохо, лежит в крапиве, помирает. Попроси присмотреть за дедулей, пока сам бегаешь «за скорой». Эти не откажут, попрутся спасать, интеллигенты сраные.

– Жалко старичка...ведь подохнет...

– Задрал своими «подколами»! – взбеленился Ермилов. – Твоя задача – привести их вон к тому кустарнику. Жердьяй, Американец, за мной!

Рейган сделал слезливую рожу, как человек у которого стряслось несчастье, и направился к влюбленной парочке, предвкушая веселую сценку. Олег с Вероникой, взявшись за руки, шли ему навстречу.

– Граждане, помогите – жалобно проквокал Рейган. – С дедом – беда. Мы вон там сидели, на спортплощадке, кваском баловались. И вдруг он за сердце схватился. Упал...Я не знаю, чё сейчас делать. У вас случайно нет валидола?

– Откуда? Скорую надо вызывать! – сказала Вероника.

– Боюсь, опоздают. Я лучше домой, за валидолом. Вы не могли бы пока присмотреть за ним?

– Где он? – спросил Олег, всматриваясь в темень.

– Да вон там, у брусьев упал. Он еще живой, дышит...Кабы не помер. У него с войны осколочное ранение. Помогите! Я быстро!

Рейган скрылся в подъезде многоэтажки, а Олег с Вероникой устремились на спортплощадку. Они стали искать в темноте лежащего на земле ветерана. И тут из кустов на них выскочили трое амбалов, окружая со всех сторон. На помощь дружкам подлетел запыхавшийся Рейган.

– Попались, чмошники! – весело сказал он, радуясь своему успешному розыгрышу.

– Попались...– хмуро вторил ему Ермилов, приближаясь к Олегу.

– Роман, это ты? – Вероника разглядела поклонника. – Ты с ума сошёл? Что вы творите?

– Всё нормально... – поспешил успокоить Ермилов. – Просто пришли пообщаться. Значит, вот это чучело и есть твой жених? Ну-ка, покажись, сынку...Где ж, ты нашла такого молодого, красивого? Сразу видать, комсомолец. Он, небось, ещё бабу-то ни разу не трахал. Ну, может быть, вожатая дала ему пару раз сиськи помять, в пионерлагере.

Кореша одобрительно заржали. Олег давно бы уже полез в драку, если бы не Вероника, которая находилась под ударом. Что же остаётся? Стоять и покорно сносить издевательства этих отмороzków?

Ермилов стоял довольно близко, давя физически и морально своей внушительной комплекцией. Каково же было его удивление, когда соперник сам попёр на него.

– А, давай, как мужики? – предложил Олег, глядя в глаза противнику. – Один на один? Или только с толпой горазд?

Дружки притихли, наблюдая за развитием ситуации. Ермилов смачно сплюнул на землю, будто нажрался полыни и приказал своим корешам:

– Пацаны, разошлись! Я сам его «сделаю».

Расчёт Ермилова был прост – он превосходил соперника по массе. В школе имел репутацию заядлого драчуна. Гонял отличников на переменках. Провёл несколько кулачных боев с дворовыми «тяжеловесами». В старших классах увлекался боксом и даже выдвигался на первенство города. А что ему может противопоставить «сранный интеллигент» из университета? Сейчас одним-двумя ударами, не особо напрягаясь, он сделает из влюбленного Ромео посмешище. Можно даже поиграть в благородство и когда фраер рухнет на землю, не добивать его, а помочь встать на ноги. Кто знает, может капризная Вероника оценит великодушие «Ромы-купца»?

Ермилов поиграл бицепсами, грозно всматриваясь в противника. Он хотел решить всё по-быстрому, чтобы не напрягать Веронику тяжелым зрелищем. Убедившись, что интеллигент отважно стоит на месте, запустил в него дубовое кулачище. Дальше Ермилов не понял, что произошло. Вдруг он очутился на земле, с режущей болью в лопатке. Вырваться из крепких тисков не представлялось возможным. Он увидел, как кореша рванули ему на помощь, но тут же их отогнал:

- Ша! Стоять!

Олег продолжал болевой приём, пока Ермилов не заорал благим матом:

- Всё, сука, отпусти! Руку сломаешь.

Тут вдруг, со стороны дома, из окна стала кричать какая-то женщина. К ней присоединилось еще несколько голосов:

- Дерутся! Дерутся! Вызывайте милицию!

Ермилов с друзьями поспешили удалиться, сиганув в кустарник, и на полусогнутых пробираясь к машине.

Стоя посреди спортплощадки, Олег обнимал зарёванную Веронику, укрывая её своим пиджаком от посторонних взглядов:

- Всё позади! Успокойся...

Но опасность не миновала. В следующие недели Олег стал чувствовать за собой слежку. Какой-то лысан в олимпийке вечером околачивался возле университета, и он же был замечен на набережной, где обычно проходили летние свидания с Вероникой. Видимо, Ермилову не терпелось поскорее взять реванш и поквитаться за обидный проигрыш на глазах у своих дружков, а главное – «дамы сердца».

В следующий раз, думал Олег, его соперник постарается не оплошать, заранее просчитав тактику уничтожения врага. Возможно, даже с показательным унижением. Раненый медведь, как известно, отличается особой агрессией.

Нужно было что-то срочно предпринять. Если нападут толпой, да ещё с монтировками, тут голыми руками не отобьёшься. Хорошо бы иметь при себе какое-то оружие, хотя бы ракетницу, что ли...Но где её раздобыть?

Олег направился за советом к Бору Виноградову, которому подробно рассказал о своих приключениях.

– Знаю я этого Ермилова – хмуро покачал головой друг. – Редкая сволочь. Помнишь, пару лет назад Саню Титова избили во дворе? Угадай, кто приложил к этому руку? Твой «фирмач». Поэтому ждать от него благородных поступков не стоит. За своё позорное поражение гнида будет мстить, и мстить жестоко. Единственный выход – иметь при себе «ствол». Не убивать – пугнуть! Разок пальнёшь в воздух, глядишь, ребята и разбегутся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/fomin_igor/uspeh

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)